

УДК 811.12

*Вейсялли Фахраддин Ядигяр оглу,
Бабаев Джамиль Мамедага оглу
(Баку, Азербайджан)*

ПОНЯТИЕ «СМЫСЛА» В ЛИНГВО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Стаття присвячена розгляду поняття смислу у лінгвістичних дослідженнях в останні десятиріччя. У сучасних працях з лінгвістики «смысл» не виділяється як такий. Його зазвичай отождествлюють то зі змістом, то зі значенням. Під смыслом у цій роботі розуміється слід від колишнього досвіду людської діяльності у пам'яті мовців, що розмовляють даною мовою, яка оживає у подальшій мовній діяльності людини, дозволяє людині пізнавати предмет, об'єкт чи денотат знаку.

Ключові слова: *смысл, знак, значения, сигнифікація, семантика, контекст.*

Статья посвящена рассмотрению понятию смысла в лингвистических исследованиях в последние десятилетия. В современных трудах по лингвистике «смысл» не выделяется как таковой. Его обычно отождествляют то с содержанием, то со значением. Под смыслом в настоящей работе понимается след от прежнего опыта человеческой деятельности в памяти говорящих на данном языке, который оживает в дальнейшей языковой деятельности человека, позволяет человеку опознавать предмет, объект или денотат знака.

Ключевые слова: *смысл, знак, значение, сигнификация, семантика, контекст.*

The article is devoted to sense investigation of linguistic researches in the last decade. In modern writings on linguistics sense is not noted separately. It is commonly equated either with the content or with the meaning. Sense is understood as a trace of the previous experience of human activity in the memory of the speaker.

Key words: *sense, sign, meaning, signification, semantics, context.*

Понятие «смысла» относится к наиболее загадочным явлениям лингвосомиотики. Однако конкретного определения смысла в этих лингвосомиотических работах не было сформулировано и в его дефиниции существует большой разницей. Не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы смысла, рассмотрим некоторые работы, где исследуется данная проблема. При этом неполным было бы и исследование смысла без обращения к его корреляту – значению, в противопоставлении которому обычно и выявляются существенные характеристики смысла.

Как известно, различие смысла и значения восходит к Н.Туси [1], которое впоследствии было развито немцем Г.Фреге [2], который ставит вопрос разграничения смысла и

значения в рамках решения проблемы кореферентных имен: если два (или более) имени обозначают один и тот же денотат, чем же они отличаются – с мыслом или значением? Отвечая на этот вопрос, Г.Фреге следующим образом охарактеризует значение и смысл: кореферентные имена или выражения экстенционально тождественны, т.е. имеют одно и то же значение, а интенционально различны, т.е. имеют разный смысл. «Напрашивается мысль связать с каждым знаком (именем, словесным оборотом, письменным знаком), помимо обозначаемого – его мы будем называть значением знака, – также и то, что я назвал бы смыслом знака и в чем выражается конкретный способ задания обозначаемого. Согласно такому пониманию в нашем примере окажется, что, хотя значение выражений «точка пересечения a и A » и «точка пересечения b и c » одно и то же, смысл их различен. Равным образом, выражения «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» имеют одно и то же значение, но отнюдь не одинаковый смысл» [3: 231].

Под знаком и именем им понимается «любое обозначение, представляющее собою собственное имя, чьим значением, стало быть, является определенный предмет» [3: 231]. По Г.Фреге, связь между знаком его смыслом и значением, такова, что знаку соответствует определенный смысл, а этому последнему – определенное значение, тогда как одному значению (одному предмету) соответствует не единственный знак. Один и тот же смысл имеет в различных языках – и даже в одном и том же языке – различные выражения [3: 231]. Считая такое отношение правилом, Г.Фреге также допускает исключение из этих правил «...если совокупность знаков носит совершенный характер, то каждому знаку должен соответствовать вполне определенный смысл; однако в национальных языках это требование очень часто нарушается, и надо быть довольным уже тогда, когда одно и то же слово, употребляемое в одном и том же контексте, всегда имеет один и тот же смысл. Быть может, следует признать, что всякое грамматически правильно построенное выражение, выполняющее роль собственного имени, всегда имеет смысл. Однако это не значит, что смыслу всегда соответствует некоторое значение. Слова «самое удаленное от Земли небесное тело» имеют некий смысл; однако весьма сомнительно, чтобы они имели значение. Выражение «самый медленно сходящийся ряд» имеет определенный смысл; однако доказано, что он не имеет значения, так как для всякого сходящегося ряда можно найти другой ряд, который медленнее, но все-таки сходится. Отсюда следует, что если мы понимаем смысл, это еще не значит, что мы с уверенностью располагаем и некоторым значением» [3: 231].

Г.Фреге наглядно передает отношение, существующее между знаком, предметом, им обозначаемым (значением знака), и знанием, которое несет в себе данный знак – его смыслом; при этом, по его мнению, знак может иметь смысл, но не иметь значения. Отношение «знак-смысл-значение» он переносит на предложения как частный случай имен, знаков, обозначающего, выделяя особо утвердительно-повествовательные-утверждающие предложения, смысл которых есть мысль, а предметное значение – одно из двух истинностных значений: «истинно», либо «ложно» [3: 235]. «Содержание я называл оцениваемым содержанием – тем содержанием, о котором выносятся суждение. Теперь содержание, о котором судят, распадается для меня на то, что я называю мыслью, и то, что я называю значением истинности. Это есть следствие различения смысла и значения знака. В данном случае смысл предложения есть мысль, а его значение – значение истин-

ности. А именно, мысль, которая обычно есть смысл данного предложения, в косвенной речи становится его значением» [3: 38]. По мнению Г.Фреге, от значения и смысла знака следует отличать связанное с ним представление [3: 232]. Если значения знака есть чувственно воспринимаемый предмет, то мое представление о нем есть внутренний образ, возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях. Одно и то же представление, даже у одного и того же человека, не всегда связано с одним и тем же смыслом. Представление существенно отличается от смысла знака тем, что смысл знака может быть общим достоянием многих людей ... [3: 232]. Значение собственного имени – это сам предмет, обозначенный этим именем; представление, которое при этом у нас возникает, вполне субъективно; между значением и представлением можно поместить смысл, который, в отличие от представления, хотя и не является субъективным, все же не есть сам предмет [3: 233]. Он приводит следующее сравнение. Предположим, некто смотрит на Луну в телескоп. Саму Луну можно сравнить со значением, она является предметом наблюдения, которое опосредовано реальным образом, возникающим внутри телескопа благодаря преломлению лучей в объективе, а также образом, возникающим на сетчатке глаз наблюдателя. Первый я сравниваю со смыслом, второй с представлением или восприятием [3: 233].

По словам Р.И.Павилениса, «понятие смысла у Г.Фреге имеет познавательную функцию, и оно вводится для решения проблемы познавательной ценности или информативности истинных утверждений тождества» [4: 49]. Смысл рассматривается им как способ представления информации в знаке, а значение выводится за пределы языка во внешний мир, отождествляясь с денотатом. Р.И.Павиленис смысл рассматривает сквозь призму анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью [4: 129]. У автора смысл есть часть индивидуальной концептуальной системы человека как система его мнений и знаний о мире, носящем доязыковой и внеязыковой характер и отражающей его доязыковой и языковой познавательный опыт [4: 12]. Смысл есть «... информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, думает, воображает об объектах мира)...» [4: 102].

По Э.Гуссерлю, смысл есть онтологическая характеристика человеческого бытия с одной стороны, и элемент самого сознания, с другой [5: 52]. У автора понятия «смысл» и «значимость» употребляются как равнозначные, для него смысл – это актуальная ценность, значимость предмета для субъекта. М.Хайдеггер понимает смысл как объективная сущность вещей, у него смысл выступает в качестве объекта специального направленного особого познания. Смысл, накладываемый субъектом на происходящее, и есть окружающий субъекта мир. Вещи, доступны человеку как смыслы, т.е. «бытие-в-мире» всегда уже осмысленно. «Смысл есть то, на чем держится понятность чего либо» [6: 151]. Автор уточняет, что смысл не есть свойство сущего, он «...располагается «за» ним или где-то парит как «междущарствие». Это экзистенциал присутствия: «Смысл имеет лишь присутствие, насколько разомкнутость бытия-в-мире «заполнима» открываемым в ней сущим. Лишь присутствие может быть осмысленно или бессмысленно» [6: 151]. У Л.Витгенштейна смысл выступает в качестве семантической характеристики, которую он закрепляет за предложением, являющимся образом фактической ситуации, т.е. обозначает меру значимости объектов окружающего мира, их ценность. Значение же присуще именам, простым знакам, обозначающим объекты.

Предложения, не обозначающие фактов, а только показывающие структуру «мира фактов» и его пределы есть бессмысленные предложения. Сам смысл не находится в мире фактов, он обнаруживает себя в процессе значимого для человека восприятия этого мира фактов, его осмысливания: «Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит, в нем нет ценности – а если бы она и была, то не имела бы смысла» [7: 70]. Э.Бенвенист указывает, что «...смысл не появляется в результате сложения знаков, а как раз наоборот, смысл ...реализуется как целое и разделяется на отдельные «знаки», какими являются слова» [8: 88].

Ю.С.Степанов концепцию смысла рассматривает в рамках семиологической грамматики. Объектом приложения теории смысла (и значения) в ней является предложение в виде структурной схемы или пропозициональной функции, т.е. рассматриваемое как статичный языковой знак, разделяющий эту свою знаковую природу с именем. Он в предложении выделяет две семантические сферы: экстенционал, денотат или референт, как обозначение факта действительности, с одной стороны, и интенционал, сигнификат или смысл, как некая мысль об этом факте, с другой. В интерпретации семантики предложения он пользуется логическими терминами – интенционал и экстенционал. Он решает применительно к предложению чисто логическую проблему – проблему истинности/неистинности высказывания: «...интенционал, смысл предложения – это нечто более общее, чем истина или ложь, нечто, что может соответствовать или истине или лжи. Сущность интенционала можно пояснить на примере двух связанных сложных предложений: /Верно, что (в Арктике живут белые медведи)//; /Неверно, что (в Арктике живут белые медведи)// – часть, взятая в скобки, есть в более или менее “чистом” виде интенционал, или смысл, тогда как всё высказывание в целом есть одно истина, другое ложь. ...смысл предложения лежит в интенциональной области, в то время как «истина» или «ложь» – в экстенциональной. Иными словами, истинность или ложность есть не проблема смысла, а проблема значения предложения» [9: 12].

Н.А.Слюсарева тоже считает смысл внеязыковым явлением, имеющее место в сознании и его «следует понимать как наличие связей между понятиями, которые являются связями, существующими между предметами в реальном мире» [10: 199]. По мнению известного психолингвиста Н.И.Жинкина, «смысл – это то, что отражает наличную действительность» [11: 131]. Семантика внешней речи – это значение, семантика внутренней речи – смысл. Значение определяется парадигматическими и синтагматическими связями слов (оно фиксируется в словарях), а смысл определяется текстом (речевой ситуацией). У А.Бондарко, известного лингвиста России, значение представляет собой содержательную сторону некоторой единицы данного языка, тогда как смысл может быть передан разными единицами в данном языке. Значение той или единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющей ситуативную обусловленность [12].

Крупный теоретик М.М.Бахтин смысл трактует уже не только как явление сугубо речевое, но и как явление, обусловленным контекстом: «Целое высказывание – это уже не единица, а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл, т.е. целостный смысл, имеющий отношение к ценности, к истине, красоте и т.п. – и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку» [13: 355]. В его трактовке смысл

потенциально бесконечен, но актуализоваться он может лишь соприкоснувшись с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности. Другими словами, значение и смысл диалектически связаны и детерминируют друг друга. Смысл возможен постольку, поскольку существуют значения.

Е.С.Кубрякова при рассмотрении смысла полагает, что языковые знаки служат своего рода «средствами доставки» личностных смыслов от одного коммуниканта к другому и вообще «...смысл может быть выражен, поскольку есть язык и выраженные в нем базовые, или исходные, значения, а также принципы их распределения» [14: 31].

Итак, значение – это конвенциональная данность и его можно устанавливать и затем знать, в то время как смысл нечто изменчивое, нерегламентированное, вследствие чего его приходится искать, разгадывать и т.п. Из этого вытекает, что приобрести знак может и значение, и смысл, но наполниться он может только смыслом и противопоставление смысла значению осуществляется как противопоставление конкретно ситуативного содержания сообщения его абстрактному языковому содержанию. С лингвистических позиций смысл представляет собой мыслительное содержание, которое в ходе коммуникативного процесса один индивид передает другому посредством языковых знаков.

Можно отметить, что хотя каждый акт речи вместе с передаваемым им смыслом всякий раз уникален и неповторим, лингвистические способы кодирования смыслов принципиально не бесконечны. Значения языковых единиц в акте речи и передаваемый смысл находятся в отношении перекодирования. Направление перекодирования зависит от позиции коммуникантов: адресант перекодирует передаваемый смысл в значения, а адресат перекодирует значения воспринимаемых им знаков в смысл. Значение представляет собой содержательную сторону определенной единицы данного языка, тогда как смысл может быть передан разными единицами в данном языке и единицами разных языков, кроме того, он может быть выражен не только языковыми, но и паралингвистическими средствами. Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность. Значения языковых единиц разных языков могут не совпадать по своей содержательной характеристике, по объему, по месту в системе. Смысл не зависит от различий между языками, по своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отрагательной деятельности человека. Во взаимосвязи значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании. Взгляды исследователей на соотношение значения и смысла можно обобщить следующим образом: смысл – совокупность всех значений слова; смысл – конкретное значение слова в контексте, а содержание – вся семантика слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. F.Y.Veysølli. Semiotika. -Baki: 2008
2. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. – М., 1977
3. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов /Пер. с нем. Б.В.Бирюкова под ред. З.А.Кузичевой. – М., Аспект Пресс, 2000

4. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. т. 1/ Пер. с нем. А.В.Михайлова. – М., Дом интеллектуальной книги, 1999
6. Хайдеггер М. Бытие и время /Пер. с нем. В.В.Бибихин. – М., «Ad Marginem», 1997
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Философские работы /Сост. и коммент. М.Козловой; Пер. с нем. М.Козловой, Ю.Асеева. ч. 1, – М., Гнозис, 1994
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974
9. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). – М., 1981
10. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление. //В кн.: Как построить интересный урок иностранного языка. – М., 1963
11. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982
12. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978
13. Баухин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М., 1979
14. Кубрякова Е.С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации: сб. науч. тр. – М., 1991

УДК 159.94:18:687.016

Козубай Л.І.
(Хмельницький, Україна)

АРХІТЕКТУРА МІСТА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО ЯК ФАКТОР ФОРМУВАННЯ СИСТЕМИ КУЛЬТУРНИХ ЦІННОСТЕЙ МОЛОДІ

У даній статті розкривається взаємозв'язок архітектури та моди, їх роль у становленні системи культурних цінностей молоді. Проведено порівняльний аналіз архітектурних об'єктів міста Хмельницького і моделей сучасного жіночого одягу.

Ключові слова: архітектура, мода, стиль, культура молоді, взаємозв'язок моди та архітектури.

В даній статті розкривається взаємозв'язок архітектури та моди, їх роль в становленні системи культурних цінностей молоді. Произведен сравнительный анализ архитектурных объектов города Хмельницкого и моделей современной женской одежды.

Ключевые слова: архитектура, мода, стиль, культура молодежи, взаимосвязь моды и архитектуры.

The article deals with the interconnection between architecture and fashion, their role in the formation of the system of young people's cultural treasures. The comparative studies of architectural objects of Khmelnytskyi and models of contemporary women's clothes have been carried out.

Key words: architecture, fashion, young people's culture, interconnection between fashion and culture.